

Эпосы, легенды и сказания

Добрыня и Змей

*Часть сборника
Большая хрестоматия для
начальной школы (сборник)*

Эпосы, легенды и сказания
Добрыня и Змей
Серия «Хрестоматии
для начальной школы»
Серия «Большая хрестоматия
для начальной школы»
Серия «Древнерусская литература
и устное народное творчество»
Серия «Былины»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145973

Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да Никитичу-то матушка наказывала:
“Ты не ездика далече во чисто поле,
На ту на гору да Сорочинскую,
Не топчи-ка ты младых змеенышей,
Ты не выручай-ка плоноров да русских,

Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя-то струйка как огонь сечет”...»

Добрыня и Змей

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да Никитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ездика далече во чисто поле,
На ту на гору да Сорочинскую,
Не топчи-ка ты младых змеенышей,
Ты не выручай-ка полонов да русских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя-то струйка как огонь сечет».
Добрыня своей матушки не слушался,
Как он едет далече во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую.
Потоптал он младых змеенышей,
Повыручал он полонов да русских.
Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось.
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня, да ко Пучай-реке.
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Он забрел за струечку за первую,
Да забрел за струечку за среднюю,
Говорил сам да таково слово:
«Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька наказывала:
Что не ездика далече во чисто поле

На ту на гору на Сорочинскую,
Не топчи-ка молодых змеенышей,
Не выручай полонов да русских
И не куплись, Добрыня,
во Пучай-реке, —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя струйка как огонь сечет.
А Пучай-река она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!»
Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу наднесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния.
Как летит змеище Горынице
О тых двенадцати о хоботах.
Добрыня той Змеи не приужахнется,
Говорит Змея ему проклятая:
«Ты теперь, Добрыня, во моих руках!
Захочу – тебя, Добрыню, теперь по́топлю,
Захочу – тебя, Добрыню, теперь съем-сожру,
Захочу – тебя, Добрыню, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыню во норú снесу».
Припадает Змея ко быстрой реке,
А Добрынюшка плавать горазд ведь был:
Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешний.
Нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветных, —

Только лежит один пухов колпак,
Пухов колпак да земли Греческой,
По весу тот колпак да целых три пуда.
Как ухватил он колпак
земли Греческой,
Да шибнет во Змею во проклятую,
Он отшиб Змее двенадцать хоботов.
Тут упала Змея да во ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку поверток был,
Скочит он на змеиные да груди белые.
На кресте у Добрыни был
булатный нож,
Хочет он распластать ей груди белые,
А Змея ему, Добрыне, взмолится:
«Ой ты Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую,
Не топтать больше младых змеенышей,
Не выручать полонов да русскихих,
Не купаться тебе, Добрыня,
во Пучай-реке
И мне не летать да на Святую Русь,
Не носить людей мне больше русскихих,
Не копить мне полонов да русскихих».
Он повыпустил Змею как с-под колен своих,
Поднялась Змея да вверх под облаку.
Случилось ей лететь да мимо Киев-града,
Увидала она Князеву племянницу,

Молоду Забаву дочь Путятичну,
Идучись по улице по широкій.
Тут припала Змея да ко сырой земле,
Захватила она Князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тогда солнышко Владимир стольнокиевский
По три дня да тут билич кликал,
А билич кликал да славных рыцарей,
Кто бы мог съездить далече
во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую,
Сходить во нору да во глубокую
Достать его, Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.

Говорил Алешенька Левонтъевич:
«Ах ты солнышко Владимир стольнокиевский!
Ты накинъ-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеею заповедь положена,
Что ей не летать на Святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто поле,
Не топтать-то младых змееньшей
Да не выручать полонов русских, —
Так возьмет он Князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну
Без бою, без драки-кроволития».
Тут солнышко Владимир стольнокиевский
Как накинул ату службу да великую

На того Добрыню Никитича —
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает его да родна матушка,
Честна вдова Ефимья Александровна:
«Ой ты рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты что с пиру невесел идешь?
Знать, место было тебе не по чину,
Знать, чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак над тобой насмеялся-де?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ой ты государыня родна матушка,
Ты честна вдова
Ефимья Александровна!
Место было мне да по чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Дурак-то надо мной не насмеялся ведь:
А накинул службу да великую
Солнышко Владимир стольнокиевский,
Что съездить далече во чисто поле
На ту на гору да на высокую,
Мне сходить во нору во глубокую,
Мне достать-то Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну».
Говорит Добрыне родна матушка,

Честна вдова Ефимья Александровна:
«Ложись-ка спать да рано с вечера [...],
Мудренее утро будет вечера».
Он вставал по утречку ранешенько,
Умывался да он белешенько,
Снаряжался он хорошохонько,
Да идет на конюшню на стоялую.

А берет в руки узду он да тесмяную,
А берет он дедушкова да ведь
добра коня,
Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Седлал Бурка в седлышко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да клал войлочки,
Клал на войлочки черкасское седлышко,
Всё подтягивал двенадцать тугих подпругов.
Он тринадцатый клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шелкóвые,
А шпеньки у подпруг все булатные,
Пряжки у седла да красна золота.
Тот шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит, да сам не стареет.
Поезжал Добрыня сын Никитинич.
На прощанье ему матушка плетку подала,

Сама говорила таково слово:
«Как будешь далече во чистом поле,
На той на горе да на высокия,
Потопчешь младых змеенышей,
Повыручишь полонов да рускиих,
Как тыи-то молодые змееныши
Подточат у Бурка они щеточки,
Что не может больше Бурушко доскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать, —
Ты возьми-ка эту плеточку шелковую,
А ты бей Бурка да промежy ноги,
Промежу ноги, да промежу уши,
Промежу ноги да между задние.
Станет твой Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты притопчешь всех до единого».
Как будет – он далече во чистом поле,
На той на горе да на высокой,
Потоптал он младых змеенышей.
Как те ли молодые змееныши
Подточили у Бурка они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он – отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинич
Берет он плеточку шелковую,
Он бьет Бурка да промежу уши,
Промежу уши, да промежу ноги,
Промежу ноги, да между задние.
Тут стал его Бурушко поскакивать,

А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех до единого.
Выходила Змея она проклятая
Из той из норы из глубокой,
Сама говорила таково слово:
«Ах ты эй, Добрынюшка Никитинич!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал младых змеенышей,
Почто выручал полоны да русские?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты эй, Змея да ты проклятая!
Черт ли ты нес – да через Киев-град!
Ты зачем взяла Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай же мне Князеву племянницу:
Без бою, без драки-кроволития!»
Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
«Не отдам я тебе Князевой племянницы
Без бою, без драки-кроволития!»
Заводила она бой-драку великую.
Они дрались трои суточки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать,
Как с небес Добрыне глас гласит:
«Молодой Добрыня сын Никитинич!
Дрался со Змеей ты трои суточки,
Подерись со Змеею еще три часа:
Ты побьешь Змею да ту проклятую!»

Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ту проклятую.
Та Змея она кровью пошла.

Стоял у Змеи он трои суточки,
Не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови отстать,
С небес Добрыне опять глас гласит:
«Ах ты эй, Добрыня сын Никитинич!
Стоял у крови ты трои суточки,
Постой у крови да еще три часа.
Бери свое копьё да бурзамецкое
И бей копьём да во сыру землю,
Сам копьёю да проговаривай:
Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась тогда матушка
сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.
Тогда Добрыня во нору пошел,
Во те во норы да во глубокие.
Там сидят сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,
А простой-то силы той и смету нет.
Тогда Добрынюшка Никитинич
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
«Вы идите нынть туда, откель принёсены.

А ты, молода Забава дочь Путятична,
Для тебя я эдак теперь странствовал,
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву,
Ай ко ласковому князю ко Владимиру».